

Обратное снятие корпоративной вуали

Научный руководитель – Зикун Илья Игоревич

Прокудина Анастасия Алексеевна

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Юридический факультет, Кафедра гражданского права, Москва, Россия
E-mail: nastya.prokudina.06@mail.ru

Принцип имущественной обособленности юридического лица, частично сформированный во времена господства римского права, с развитием гражданского оборота подвергается обоснованной критике и ставит перед правопорядком все более сложные вопросы, для справедливого разрешения которых необходимо искать новые решения в целях восстановления и защиты прав добросовестных кредиторов.

В последние годы российские суды стали удовлетворять иски по привлечению российских дочерних обществ к солидарной ответственности по долгам их иностранных материнских компаний, во многом основываясь на том, что они входят в одну группу компаний с единым центром принятия решений. Одним из дел, вызвавших наиболее оживленную дискуссию, явилось т.н. дело «Ситибанка», в рамках которого Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ дала неоднозначные разъяснения на предмет квалификации спорного правоотношения [1].

В литературе встречаются различные попытки обосновать привлечение дочерней компании по долгам материнской через оптику договорной, а также деликтной ответственности, апологеты которой утверждают, что в данном случае необходимо говорить об увеличении пределов деликтной ответственности за счет расширительного толкования duty of care, и, таким образом, компаниям в группе атрибутируют высшее знание о действиях иных компаний, входящих в единую группу.

Однако, представляется, что данные теории не способны в полной мере убедить правоприменителя в обоснованности возложения ответственности на дочернюю организацию по долгам ее материнского общества, в связи с чем предлагается обратиться к доктрине обратного снятия корпоративной вуали, так как существуют случаи, когда именно ее применение является единственным способом обеспечить справедливое положение дел. Предлагается разрешить применение этой доктрины только тогда, когда традиционные, менее инвазивные средства правовой защиты будут являться неудовлетворительными.

Так, определенный тон дискуссии задает Nicholas V. Allen, указывая, что концепция «обратного снятия» впервые возникла в знаменательном деле Kingston Dry Dock Co. против Lake Champlain Transportation Co. В данном деле истец, компания Kingston, произвел ремонт судна, принадлежавшего дочерней компании ответчика Champlain. Ремонт был заказан самой компанией Champlain, а не ее «дочкой», и истец заключил соглашение именно с Champlain. При этом Champlain и его дочерняя компания имели практически идентичные по своему составу советы директоров, однако все же обе компании сохраняли самостоятельность и принимали решения независимо друг от друга. В связи с неисполнением обязательств компанией Champlain, компания Kingston наложила арест на суда дочерней компании ответчика, чтобы удовлетворить требование по долгу Champlain. Суд первой инстанции признал арест правомерным, но судья Hand отменил это решение, указав, что «было бы слишком категорично утверждать, что дочерняя компания никогда не может нести ответственность по сделке, совершенной от имени материнской компании, подобные случаи, если они вообще возможны, должны быть исключительно редкими» [2;10].

Думается, что для отечественного правоприменителя первостепенным является вопрос соблюдения баланса между недопущением фактической отмены принципа ограниченной ответственности юридического лица и восстановлением нарушенных прав кредиторов [3;8].

В этой связи можно говорить, по меньшей мере, о трех критериях, выработанных практикой американских судов. Речь идет о two-prong test или three-pronged test – «двух» или «трех» критериях прокалывания вуали (их количество зависит от штата, в котором идет рассмотрение дела):

1) контроль – собственник использует компанию в собственных целях, т.е. компания является «альтер-эго» собственника;

2) данный контроль использовался для совершения мошенничества или правонарушения в отношении истца;

3) прокалывание вуали должно приводить к справедливому результату (an equitable result should be achieved by piercing), т.е. посредством его осуществления не будет причинен ущерб неучастным акционерам или кредиторам компании.

Резюмируя вышесказанное, можно отметить, что расширение возможностей ex post контроля за действиями участников гражданского оборота следует считать положительным направлением в развитии отечественного правоприменения. Однако совершенно точно, что на данном этапе российский правопорядок находится только на этапе генезиса и осмысления данной концепции, следовательно, именно научные изыскания и должны послужить ариадниной нитью к ее догматизации и интеграции в классическую хозяйственную деятельность.

Источники и литература

- 1) Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 12.05.2025 № 305-ЭС24-12635.
- 2) Nicholas B. Allen. Reverse Piercing of the Corporate Veil: A Straightforward Path to Justice // St. John's Law Review. 2011. Vol. 85. № 3. P. 9-10.
- 3) Егоров А.В., Усачева К.А. Субсидиарная ответственность за доведение до банкротства – неудачный эквивалент западной доктрины снятия корпоративного покрова // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2013. № 12. С. 8.